

ВАРШАВСКИЙ ЕПАРХИАЛЬНЫЙ ЛИСТОКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ ВАРШАВСКОЙ АРХИЕПИСКОПСКОЙ КАМЕРАЛЬ.

Адресъ Редакціи: Москва, Крымскій проездъ, № 3, кв. 9.

Рукописи должны доставляться въ Редакцію четко переписанными, за полною подписью автора и съ обозначеніемъ адреса. По усмотрѣнію Редакціи рукописи подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ; авторы, несогласные съ этимъ, должны дѣлать оговорку предъ заглавіемъ рукописи.

ВЫХОДИТЬ

1 и 16 **каждаго**
мѣсяца.

Годовая цѣна 5 руб.

Статьи, присланныя безъ указанія гонорара, считаются бесплатными. Непринятыя для печати рукописи возвращаются авторамъ или лично, или по почтѣ, если присланы марки на пересылку. Рукописи, неостребованныя въ теченіе года, уничтожаются.

О Т Д Ъ Л Ъ I.

Высочайшія награды.

Государь Императоръ по всеподданнѣйшему докладу и. д. Синодальнаго Оберъ-Прокурора, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, Всемилоостивѣйше соизволилъ въ 22 день октября 1915 года за отлично-усердную службу и особые труды во время текущей войны на пожалованіе: *митры*—протоіерею Маріинской на Прагѣ церкви, гор. Варшавы, Аполлинарію *Ковальницкому* и на сопричисленіе къ ордену **Св. Анны 3 степени**—Варшавскаго Каѳедральнаго Александро-Невскаго собора священника Димитрія *Козловскаго* и діакона Успенской г. Варшавы церкви *Теодора Скачкова*.

Ея Величество, Королева Милена, Покровительница Черногорскаго Братства „Краснаго Креста,“ узнавъ объ услугахъ, оказанныхъ братству Его Высокопреосвященствомъ Николаемъ, Архіепископомъ Варшавскимъ и Привислинскимъ, благоизволила пожаловать его Братскимъ Крестомъ.

25 іюля, Цетинье. Предсѣдатель Братства Митрополитъ Митрофанъ.

На подлинномъ Его Высокопреосвященствомъ положена слѣдующая резолюція: „1915 г. 10 октября. Напечатать въ Варш. Епарх. Листкѣ къ свѣдѣнію духовенства Варшавской епархіи. Отъ себя жертвую 50 рублей. Архіепископъ Николай“.

Письмо Завѣдующаго Синодальнымъ имени Наслѣдника Цесаревича Алексія Николаевича лазаретомъ для раненыхъ воиновъ Высокопреосвященному Николаю, Архіепископу Варшавскому и Привислинскому.

Ваше Высокопреосвященство,
Высокопреосвященнѣйшій Владыко,
Милостивый Архипастырь и Отецъ!

Непрекращающаяся война, обильная человѣче-

скими жертвами, и результатъ почти годовой дѣятельности Попечительства о раненыхъ и больныхъ воинахъ Синодальнаго Имени Наслѣдника Цесаревича Алексія Николаевича Лазарета приводятъ членовъ избраннаго Попечительствомъ Совѣта къ единодушному желанію—продолжать дѣятельность названнаго Попечительства, ни въ чемъ не измѣняя ея характера, во все время существованія Лазарета. Готовясь поэтому вступить во второй годъ своего существованія, Попечительство считаетъ долгомъ подѣлиться съ Вами мыслями по поводу предстоящей ему дѣятельности въ будущемъ.

Бызованное вслѣдъ за учрежденіемъ Лазарета къ жизни острою нуждою выходящихъ изъ Лазарета воиновъ въ бѣльѣ, въ одеждѣ, въ обуви, деньгахъ, полученіи мѣста или въ поступленіи на работу Попечительство, облегчая всякаго рода матеріальныя нужды воиновъ должно было такимъ образомъ какъ бы дополнять собою дѣятельность Лазарета по призрѣнію раненыхъ и продолжать ее, насколько возможно, и по выходѣ ихъ изъ Лазарета. Задачи, поставленныя новоучрежденному Попечительству, какъ частной благотворительной организаціи, существующей исключительно на членскіе взносы и пожертвованія добрыхъ людей, были велики и обширны и казались прямо невыполнимыми, особенно на первыхъ порахъ учрежденія Попечительства, когда иныхъ съ такими задачами организацій, возникшихъ по Государственному почину съ субсидіями на свое существованіе отъ казны, еще не существовало. Лишь позднѣе, приблизительно чрезъ полгода послѣ учрежденія Попечительства, появились: Комитетъ Великой Княгини Маріи Павловны Старшей, который принялъ на себя обязанность одѣвать и обувать всѣхъ увольняемыхъ

на родину изъ Лазаретовъ воиновъ, и Особый Отдѣлъ Оберъ-Егермейстера Высочайшаго Двора Графа Толя по удовлетворенію всѣхъ нуждъ раненыхъ и больныхъ воиновъ, за исключеніемъ выдачи имъ бѣлья, одежды и денегъ. Такимъ образомъ, и съ появленіемъ названныхъ учреждений дѣятельность Попечительства только отчасти могла быть сужена и сокращена. Комитетъ Великой Княгини сталъ одѣвать и обувать увольняемыхъ на родину, но совершенно оставлялъ въ сторонѣ выходящихъ изъ Лазарета въ ряды войскъ, а такихъ, какъ извѣстно, большинство воиновъ, Особый же Отдѣлъ графа Толя всѣмъ рѣшительно и во всѣхъ случаяхъ отказывалъ въ денежной помощи ссудами. Въ виду сего Попечительство, сохраняя свою полную индивидуальность, продолжало выполнять поставленныя ему задачи и послѣ учрежденія вышеназванныхъ организаций и, заканчивая нынѣ первый годъ своего существованія, оно можетъ съ чувствомъ полного удовлетворенія сказать, что всегда и во всѣхъ случаяхъ оно приходило на помощь раненымъ и больнымъ воинамъ Синодальнаго Алексѣевского Лазарета, и что ни одна уважительная просьба раненаго до сего времени не была отклонена Попечительствомъ. За время существованія Лазарета, Лазаретомъ, съ помощью Божіею, выпущено изъ своихъ стѣнъ болѣе 500 раненыхъ; всѣ эти 500 лицъ получили отъ Попечительства, по выходѣ изъ Лазарета, не менѣе одного полного комплекта бѣлья, а нѣкоторые изъ нихъ, смотря по нуждѣ, и по два и по три комплекта и сверхъ того часто теплую одежду, обувь и верхнее платье. Бѣлье, за немногимъ количествомъ купленнаго самимъ Попечительствомъ, было пожертвовано Попечительству разными благотворительными организаціями Томской епархіи. Всего пожертвовано Попечительству бѣлья болѣе 100 пудовъ. Несмотря на широкую помощь бѣльемъ и одеждою, запасы бѣлья, имѣющіеся сейчасъ въ распоряженіи Попечительства, достаточны. Нѣсколько въ иномъ видѣ обстоятъ финансовыя дѣла Попечительства. Случаи, когда Попечительству приходится оказывать денежную помощь, помимо непосредственной задачи Попечительства снабжать всѣхъ положительно выходящихъ изъ Лазарета небольшими ссудами, многочисленны и многоразличны. Бывали случаи, когда прибывшій въ Лазаретъ съ театра войны сильно тревожился тѣмъ, что его близкіе родные не получаютъ пайка и находятся въ страшной нуждѣ, или тяжело раненаго героя постигало испытаніе въ видѣ бо-

лѣзни и смерти жены, послѣ которой оставалось нѣсколько душъ малыхъ безпріютныхъ дѣтей, или когда у находящагося въ Лазаретѣ огнемъ пожара уничтожались на родинѣ домъ, всѣ постройки и собранный урожай цѣлаго года, или когда къ пребывающему въ Лазаретѣ, страдающему отъ полученныхъ ранъ, бѣжали изъ занятой непріятелемъ мѣстности дѣти, по дорогѣ теряющія свою мать, во всѣхъ такихъ случаяхъ Попечительство приходило на помощь всѣми имѣющимися у него средствами, въ томъ числѣ и денежными. Не отказывало Попечительство и въ исполненіи послѣдней воли умирающихъ въ Лазаретѣ воиновъ повидать при смерти своихъ близкихъ, оплачивая, въ случаѣ неимѣнія у пріѣхавшихъ къ такимъ воинамъ родственниковъ на дорогу денегъ, ихъ проѣздъ въ Петроградъ и обратно. Наконецъ, Попечительство должно было придти на помощь помѣщенному въ Лазаретѣ ученику одного изъ духовныхъ училищъ, бѣжавшему на войну, тамъ раненому, удостоенному Высочайшаго вниманія, взявъ на себя заботу объ обратномъ возвращеніи этого ученика, четырнадцатилѣтняго мальчика, сына умершаго псаломщика и круглаго сироты въ училище, предварительно подготовивъ его черезъ спеціально приглашеннаго для того репетитора къ экзаменамъ. Но кромѣ непредвидѣнныхъ случаевъ помощи, Попечительство выдаетъ положительно каждому выходящему изъ Лазарета, смотря по степени его нужды, дальности разстоянія, которое предстоитъ ѣхать, и многосемейности, ту или другую сумму денегъ. Необходимость приходитъ на помощь денежными пособіями выходящимъ изъ Лазарета воинамъ весьма велика. Сплошь и рядомъ уволенные на родину нижніе чины, изувѣченные, съ ампутированными руками или ногами, не могущіе слѣдовать пѣшкомъ, ѣдущіе за сотни и тысячи верстъ въ глубь или на окраину Россіи, не имѣютъ ни копѣйки собственныхъ денегъ. Казенные прогоны, выдаваемые такимъ воинамъ, недостаточны, чтобы удовлетворить самыя неприхотливыя требованія такихъ воиновъ въ дорогѣ. Попечительство до сего времени всегда удовлетворяло дорожную нужду выходящихъ изъ Лазарета воиновъ въ деньгахъ, облегчало имъ путь на родныя мѣста послѣ лишеній, вызванныхъ вторженіемъ врага въ предѣлы Россіи, но къ началу второго года своего существованія Попечительство и само начало ощущать нужду въ деньгахъ. Собранные путемъ членскихъ взносов и добровольныхъ пожертвованій 3,284 рубля

7 коп. почти всё израсходованы, въ кассѣ Попечительства остается всего 138 р. 31 к. Остатокъ получается незначительный, но Попечительство, благодарное всѣмъ принесшимъ ту или иную лепту въ даръ Попечительству, твердо вѣритъ, что ощущаемая сейчасъ Попечительствомъ, послѣ цѣлаго года интенсивной работы, денежная нужда есть временная, и что Попечительство, вызванное къ жизни острою нуждою призванныхъ сражаться за Вѣру, Царя и Отечество, имѣющее свою годовую исторію, неотдѣлимую отъ исторіи Синодальнаго Алексѣевского Лазарета, не умретъ, но будетъ жить и продолжать свою дѣятельность во все время существованія Лазарета.

Испрашивая святительскихъ молитвъ Вашихъ и благословенія, имѣю честь быть
Вашего Высокопреосвященства,
нижайшимъ слугой
Протоіерей *Павель Соколовъ*.

О Т Д Ъ Л Ъ II.

Краткія поученія, произнесенныя въ церкви 14-го Полевого Запаснаго Госпиталя¹⁾.

III.

Почуеніе въ недѣлю 25-ую по Пятидесятницѣ.
(16 ноября 1914 года).

Сегодня Церковь Христова евангельскою притчею о милосердномъ самарянѣ учитъ насъ милосердію къ ближнимъ, той добродѣтели, которая составляетъ характерную черту жизни христіанской, отъ которой жизнь христіанская становится собственно христіанскою жизнію.

Одинъ человѣкъ, говоритъ Христосъ Спаситель въ притчѣ, шелъ изъ Іерусалима въ Іерихонъ и попался разбойникамъ, которые сняли съ него одежду, изранили его и ушли, оставивши его едва живымъ. По случаю іудейскій священникъ шелъ той дорогою и, увидѣвъ его, прошелъ мимо. Также и левитъ, бывъ на томъ мѣстѣ, подошелъ, посмотрѣлъ и прошелъ мимо. Самарянинъ же нѣкто, проѣзжая, нашелъ на него и, увидѣвъ его, сжалился, и подошелъ, перевязалъ ему раны, возливая масло и вино; и посадивъ его на своего осла, привезъ его въ гостиницу и позаботился

о немъ, а на другой день отъѣзжая, вынулъ два динарія, далъ содержателю гостиницы и сказалъ ему: позаботься о немъ и если издержишь что болѣе, я, когда возвращусь, отдамъ тебѣ.

Вотъ настоящее милосердіе, вотъ лучшее и прекраснѣйшее проявленіе чистой и безкорыстной любви къ ближнему. Тронутый страданіями и безпомощностью израненаго разбойниками, самарянинъ збываетъ и о племенной враждѣ іудеевъ и самарянъ, и о своихъ личныхъ дѣлахъ, и весь отдается служенію несчастному, ухаживаетъ за нимъ, какъ умѣетъ, и оставляетъ его лишь тогда, когда убѣждается, что опасность для него миновала.

Достаточно однажды выслушать эту притчу Христову, чтобы навсегда ее запомнить—такъ глубоко запечатлѣвается она въ сердцѣ. Но сколько бы разъ мы ее ни слышали, всегда она одинаково трогаетъ, умиляетъ душу. И это понятно. Въ притчѣ этой Христосъ Спаситель въ самыхъ привлекательныхъ, плѣнительныхъ чертахъ представляетъ намъ величіе и высоту милосердія къ ближнему. Слушая эту притчу, мы постигаемъ, что ни въ чемъ такъ ярко не проявляется достоинство человѣка, какъ въ милосердіи къ ближнему. Подвигъ самарянина невольно увлекаетъ и на восхищеніи предъ этимъ подвигомъ выросли тѣ многочисленныя теперь учрежденія, которыя ставятъ своею задачею служеніе и помощь больнымъ, раненымъ и всѣмъ безпомощнымъ. И васъ теперь окружаютъ заботами и попеченіемъ по побужденіямъ того же евангельскаго Христова милосердія.

Жизнь всегда полна бѣдъ и скорбей, и, подобно милосердному самарянину, всѣ мы должны приходить на помощь ближнимъ, лишь только встрѣтимся лицомъ къ лицу съ несчастьемъ ихъ. Христосъ Спаситель сказалъ: *блажени милостивіи, яко тѣи помилованы будутъ*. Помилованы будутъ—значитъ удостоятся милости Божіей тогда, когда будутъ въ ней особенно нуждаться. Аминь.

IV.

Почуеніе въ праздникъ Введенія во храмъ Пресвятой Богородицы.

(21 ноября 1914 г.).

Сегодня у насъ великій праздникъ въ честь Преподобной Владычицы нашей, Матери Божіей. Сегодня Церковь свѣтло празднуетъ введеніе во храмъ Пресвятой Богородицы, воспоминаемая, какъ трехлѣтняя отроковица, приведенная

¹⁾ Продолженіе см. № 15 Варш. Еп. Лист.

во храмъ своими благочестивыми и праведными родителями, торжественно встрѣчена была первосвященникомъ, и въ знакъ высокаго своего предназначения, по откровенію свыше, введена была во святое святыхъ.

Ежедневно и въ молитвѣ домашней, и въ церковномъ богослуженіи убажамъ мы Пресвятую Дѣву, какъ Честнѣйшую Херувимъ и Славнѣйшую безъ сравненія Серафимъ. Но въ праздники въ честь Богоматери убаженіе это достигаетъ высшей степени. Въ праздники въ честь Божіей Матери, когда мы воспоминаемъ тѣ или другія событія изъ Ея жизни, живѣе, чѣмъ когда-либо, представляются намъ высокія достоинства Ея души,—тѣ Ея свойства и качества, которыя привлекли къ Ней благословеніе Божіе. Въ частности, въ нынѣшній день, при воспоминаніи введенія во храмъ Дѣвы Маріи и воспитанія Ея при храмѣ, съ особенною отчетливостью открывается одна дорогая черта Дѣвы Маріи—это Ея глубокое благочестіе и благоговѣніе предъ Богомъ. Есть такія благодатныя семьи, въ которыхъ все дышетъ благочестіемъ, гдѣ невозможны не только дурныя дѣла, но даже и грѣшныя мысли. Въ такой святой семьѣ и родилась Пресв. Дѣва, и унаслѣдованное отъ родителей благочестіе еще болѣе углубила въ храмѣ. Въ храмѣ подъ вліяніемъ ежедневно совершаемаго богослуженія Она научилась страху Божію, благоговѣйному преклоненію предъ величіемъ и святостью Божіею. Страхъ и благоговѣніе предъ Богомъ и помогли Дѣвѣ Маріи взойти на высоту Матери Божіей. Страхъ Божій и есть именно то, что удерживаетъ и насъ отъ грѣха и зла и обращаетъ мысли и чувства къ святому, чистому и доброму. И убажая Матеръ Божію за Ея благочестіе и благоговѣніе предъ Богомъ, мы должны учиться у Нея служить Богу и проводить жизнь свою въ страхѣ Божіемъ. Аминь.

V.

Поученіе въ недѣлю 26-ю по Пятидесятницѣ.

(23 ноября 1914 г.).

Сейчасъ мы слышали притчу Христову о любознательномъ богачѣ,—притчу, наглядно поучающую насъ тому, что „жизнь человѣка не зависитъ отъ изобилія его имѣнія“, что счастье человѣка не въ одномъ только матеріальномъ довольствѣ, что кромѣ матеріальныхъ тѣлесныхъ потребностей у человѣка есть еще потребности духовныя, ко-

торыя прежде всего и больше всего должны быть удовлетворяемы.

У одного богатаго человѣка былъ хорошій урожай въ полѣ и онъ разсуждалъ самъ съ собою: что мнѣ дѣлать, некуда мнѣ собрать плодовъ моихъ? И сказалъ: вотъ что сдѣлаю: сломаю житницы мои и построю большія, и соберу туда весь хлѣбъ мой и все добро мое и скажу душѣ моей: душа, много добра лежитъ у тебя на многіе годы: покойся, ѣшь, пей, веселись. Но Богъ сказалъ ему: безумный! въ сію ночь душу твою возьмутъ у тебя; кому же достанется то, что ты заготовилъ. Такъ бываетъ съ тѣмъ, кто собираетъ сокровища для себя, а не въ Бога богатѣетъ.

Такъ Господь обличилъ неразуміе богача, очевиднымъ образомъ показавъ ему все ничтожество его заботъ. Дѣйствительно неразумный человѣкъ. Господь благословилъ его труды обильнымъ урожаемъ, а онъ рѣшилъ воспользоваться этою милостью Божіею для того, чтобы превратить свою жизнь въ сплошное удовольствіе, чтобы не трудясь и не работая, покоиться, ѣсть, пить, веселиться. Одно онъ забылъ, что самая то жизнь не въ его власти, и что какъ бы ни были заманчивы и увлекательны блага земныя, онъ ими не воспользуется, если Господь положитъ конецъ его жизни.

Но если бы даже Господь сохранилъ ему жизнь, могъ ли бы онъ найти покой въ обладаніи и пользованіи благами земными? *Какая польза человеку, говоритъ Спаситель Христосъ, если онъ приобрѣтетъ весь міръ, а душу своей повредитъ.* И развѣ мы не знаемъ, что часто обладающіе большимъ достояніемъ, никогда не испытывающіе ни въ чемъ недостатка, лишены покоя, терзаются и страдаютъ. Намъ необходимы блага матеріальныя, — необходимы, какъ средство сохраненія жизни. Но *душа больше пищи.* Кромѣ богатства матеріальнаго, тлѣннаго, гибнущаго, есть еще богатство духовное, неоскудѣвающее, вѣчное. Богатство это заключается въ праведности и непорочности души, въ чуткости и участливости сердца, въ любви къ Богу и людямъ. Кто заботится о чистотѣ души и сердца, тотъ въ Бога богатѣетъ, тотъ и приобрѣтаетъ сокровище неоскудѣвающее на небесахъ. Такъ поступали святые, о которыхъ Апостоль говоритъ, что они, ничего не имѣя, всѣмъ обладали. И намъ необходимо такъ поступать, чтобы и эту временную жизнь провести достойно своего христіанскаго званія, и найти себѣ мѣсто въ обителяхъ небесныхъ. Аминь.

VI.

Поученіе въ недѣлю 27-ю по Пятидесятницѣ.

(30 ноября 1914 г.).

Опять Евангеліе говоритъ намъ о милосердіи Христовомъ. Въ евангельскомъ чтеніи, предложенномъ намъ Церковью сегодня, св. евангелистъ Лука рассказываетъ объ одномъ изъ безчисленныхъ дѣлъ состраданія и участливости Спасителя нашего Христа къ немощнымъ и страждущимъ людямъ.

Въ одну изъ субботъ Іисусъ Христосъ училъ въ синагогѣ. Тамъ была женщина, 18 лѣтъ имѣвшая духъ немощи: она была скорчена и не могла выпрямиться. 18 лѣтъ страдала женщина тяжкимъ мучительнымъ недугомъ и за это продолжительное время своихъ страданій не озлобилась, не отчаялась. Она помнила Бога; не смотря на свои страданія, видѣла въ Богѣ своего Благодѣтеля; приходила въ день субботный въ домъ Божій; молилась Богу и прежде всего, конечно, о своемъ исцѣленіи, твердо вѣруя, что Богъ не оставитъ ее своею помощію. И Господь призрѣлъ на нее милостію Своею. *Іисусъ, увидѣвъ ее, подозвалъ и сказалъ ей: женщина! ты освобождаешься отъ недуга твоего.* Такъ, очевидно, достойна была она милости Божіей, что лишь только Христосъ ее увидѣлъ, какъ освободилъ ее отъ ея недуга. *И возложилъ на нее руки и она тотчасъ выпрямилась и стала славить Бога.*

Какая великая душа! Получивъ исцѣленіе отъ 18-лѣтняго недуга, она прежде всего прославила Бога. Въ несчастіи она не забывала Бога и въ благополучіи первую ея мыслію было воздать славу и благодареніе Богу Благодателю.

И не только исцѣленная прославила Бога, но и всѣ бывшіе въ синагогѣ радовались по поводу ея исцѣленія о всѣхъ славныхъ дѣлахъ Христа Спасителя: такъ поразительно было милосердіе Христово, такъ явно открылась въ немъ любовь Божія къ людямъ.

Нашелся, однако, въ синагогѣ человекъ, котораго доброе дѣло Спасителя Христа, всѣхъ такъ радостно возбуждавшее, привело въ негодованіе. Это начальникъ синагоги, возмущившійся тѣмъ, что Господь исцѣлилъ больную женщину въ субботу. Обратившись къ народу, этотъ слѣпой ревнитель закона сказалъ: „есть шесть дней, въ которые должно дѣлать; въ тѣ дни и приходите исцѣляться, а не въ день субботный“. Вотъ до чего можно опустошить душу, иссушить сердце! Величайшее дѣло любви бездушный и безсердечный

человѣкъ приравнялъ къ самому обыкновенному, механическому дѣлу.

Господь просто вразумилъ его. *Лицемѣръ, сказалъ ему Господь въ отвѣтъ. Не отвязываетъ ли каждый изъ васъ вола своего или осла отъ яслей въ субботу и не ведетъ ли поить? Сію же дочь Авраамову, которую связалъ сатана вотъ уже 18 лѣтъ, не надлежало ли освободить отъ узъ сихъ въ день субботный? И когда Онъ говорилъ это, замѣчаетъ евангелистъ, всѣ противящіеся Ему стыдились.*

И не могли не стыдиться, увидѣвъ пустоту и ничтожество своей души.

Нѣтъ большаго несчастія для человѣка, какъ опустошить душу, зачерствить сердце. Кто опустошаетъ душу, тотъ лишается самой высокой, доступной человѣку радости—видѣть дѣла Божьей любви въ своей жизни и въ жизни своихъ ближнихъ. Аминь.

Прот. В. Шингаревъ.

(Продолженіе будетъ).

Памяти Высокопреосвященнаго Флавіана, митрополита Кіевскаго и Галицкаго.

4-го ноября мирно почилъ Высокопреосвященный Флавіанъ, митрополитъ Кіевскій и Галицкій, замѣтно выдѣлявшійся въ средѣ русскихъ іерарховъ не только высокимъ служебнымъ положеніемъ, но и выдающимися душевными качествами, обличавшими въ немъ человѣка большихъ дарованій духовныхъ. Добрымъ словомъ вспомнятъ усопшаго Владыку въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ Россіи, въ особенности разсѣявшіеся теперь по всей Руси пастыри и пасомые Варшавской епархіи и всего Привислинскаго края. Въ этомъ краѣ, на западной окраинѣ Россіи, Владыка прослужилъ 13 лѣтъ, сначала въ званіи викарія Холмско-Варшавской епархіи, а затѣмъ въ теченіе 6 лѣтъ и въ санѣ первосвященника этой епархіи, Архіепископа Холмско-Варшавскаго.

Холмско-Варшавской епархіи Владыка Флавіанъ отдалъ и лучшіе годы своей жизни, и лучшія, самыя зрѣлыя и крѣпкія свои силы. Сколько намъ извѣстно, и самъ Владыка Флавіанъ время своего святительскаго служенія въ Варшавѣ считалъ лучшимъ временемъ своей жизни, часто и охотно вспоминалъ Варшаву и жизнь Варшавскую и до конца дней своихъ внимательно слѣдилъ за всѣмъ, что тамъ происходило. Время служенія въ Варшавѣ было временемъ напряженной и неустанно энергичной дѣятельности Владыки Флавіана. Владыка былъ добрымъ и полезнымъ со-

трудникомъ Высокопреосвященнаго Леонтія, избравшаго его своимъ викаріемъ, еще внимательнѣе и отвѣтственнѣе относился къ своимъ архипастырскимъ обязанностямъ, когда сталъ во главѣ Холмско-Варшавской епархіи. Когда вспоминаешь время архипастырскаго служенія Владыки Флавіана въ Варшавѣ, невольно повторяешь евангельскія слова, характеризующія добраго пастыря: *и своя овцы глашаетъ по имени, и изгонитъ ихъ, и егда своя овцы изженетъ, предъ ними ходитъ, и овцы по немъ идутъ, яко вѣдятъ гласъ его.* Владыка Флавіанъ въ собственномъ смыслѣ глашалъ по имени все подвѣдомственное ему духовенство, отлично зналъ своихъ подчиненныхъ всѣхъ ранговъ и положеній, начиная съ окружавшихъ его ближайшихъ его сотрудниковъ и кончая бѣдными сельскими псаломщиками, близко знакомъ былъ съ ихъ нуждами и служебнымъ положеніемъ, и каждому воздавалъ должное, сообразно съ трудами и достоинствомъ cadaго. Въ управленіи епархіальномъ Владыка Флавіанъ всегда стоялъ внѣ всякихъ стороннихъ вліяній, дѣйствуя самостоятельно и руководствуясь единственно тѣми данными, какія пріобрѣталъ путемъ личнаго наблюденія и знакомства съ подчиненными. Это справедливое, возможно безпристрастное отношеніе къ подчиненнымъ, поощреніе дѣйствительно достойныхъ возвышало его архипастырскій авторитетъ, побуждая духовенство трудиться не за страхъ, а за совѣсть.

Но что особенно влекло всѣхъ и пастырей и мірянъ къ Владыкѣ Флавіану — это высокія, обаятельныя качества его души и сердца. Мы не злоупотребимъ словомъ, если скажемъ, что это былъ въ собственномъ смыслѣ „благостный“ Владыка. Онъ весь исполненъ былъ благодати и доброты къ людямъ. Человѣкъ рѣдкой душевной чистоты и благородства, мягкій и деликатный, онъ не только никому не причинилъ, но и не могъ причинить зла и обиды. Печать обаятельности лежала на всѣхъ его отношеніяхъ и онъ заслуженно пользовался репутаціей добраго и ко всѣмъ безъ различія предупредительнаго Владыки. Понятно, что неожиданный переводъ его изъ Варшавы на кафедру Грузинскую былъ большимъ ударомъ для паствы Варшавской, проводившей его на непріютный Кавказъ самыми трогательными изъявленіями любви и расположенія.

Владыка Флавіанъ не поучалъ паству своимъ словомъ, но онъ назидалъ ее словомъ молитвенно-церковнымъ. Господь далъ ему рѣдкій даръ благолѣпнаго, можно даже сказать, художественнаго

служенія, и своею вдохновенною молитвою онъ трогалъ и поднималъ сердца молящихся не въ меньшей степени, чѣмъ можно было бы достигнуть этого самымъ краснорѣчивымъ словомъ. Даръ этотъ Владыка Флавіанъ сохранилъ до конца жизни, и три года тому назадъ при освященіи новаго Александро-Невскаго собора голосъ его такъ же мощно и выразительно раздавался въ этомъ величественномъ храмѣ, какъ и во время святительскаго служенія его въ Варшавѣ.

Есть еще одна черта въ дѣятельности Владыки Флавіана, достойная вниманія. На всѣхъ мѣстахъ своего служенія, въ особенности въ Варшавѣ, Владыка Флавіанъ прилагалъ большія заботы къ тому, чтобы составить кадръ просвѣщенныхъ пастырей церкви. Во всѣхъ случаяхъ и на всѣхъ должностяхъ онъ неизмѣнно отдавалъ предпочтеніе лицамъ, получившимъ высшее богословское образованіе, и никогда не поддавался соблазну подмѣнить образованіе такъ называемою *опытностью* въ дѣлахъ. Правда, и Владыка Флавіанъ не могъ не знать, что не рѣдки лица съ академическимъ образованіемъ, на которыхъ вовсе не видно слѣдовъ высшей школы, но все же онъ твердо держался взгляда, что ученый лучше и предпочтительнѣе неученаго. Во время его управленія Варшавская епархія была одною изъ первыхъ въ процентномъ отношеніи по числу священно-служителей, прошедшихъ высшую школу. При нынѣшнемъ повсемѣстномъ паденіи образовательнаго уровня духовенства, — паденіи грозномъ для Церкви, усилія Владыки Флавіана не могутъ не быть оцѣнены по достоинству.

Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ кончины митрополита Флавіана трудно въ бѣгломъ очеркѣ обрисовать свѣтлую личность усопшаго. Но то единое душевное сочувствіе и искренняго сожалѣнія, какимъ встрѣчена была его кончина въ православномъ обществѣ и въ печати, служить порукою въ томъ, что отъ насъ ушелъ дѣйствительно дорогой и всѣмъ близкій человѣкъ.

Да будетъ память его благословенна и да упокоитъ его Господь со святыми.

Протоіерей В. Шингаревъ.

Двадцатипятилѣтіе священства Преосвященнаго Іоасафа, Епископа Новогеоргіевскаго, Викарія Варшавской епархіи.

4 ноября Преосвященный Іоасафъ, Епископъ Новогеоргіевскій, праздновалъ 25-лѣтіе своего священства.

Все священническое служеніе Преосвященнаго Іоасафа прошло въ гор. Варшавѣ и посвящено было, главнымъ образомъ, религіозному воспитанію юношества. Принявъ рукоположеніе въ санъ священника отъ приснопамятнаго митрополита Леонтія, бывшаго въ то время Архіепископомъ Холмско-Варшавскимъ, Преосвященный Іоасафъ (въ мірѣ о. Павелъ Каллистовъ) около 10 лѣтъ законоучительствовалъ въ Александринско-Маріинскомъ дѣвичьемъ Институтѣ въ Варшавѣ, столько же приблизительно лѣтъ состоялъ каѳедральнымъ протоіереемъ Варшавскимъ и одновременно законоучителемъ разныхъ учебныхъ заведеній гор. Варшавы и вотъ уже третій годъ въ санѣ епископа является ближайшимъ помощникомъ Высокопреосвященнаго Архіепископа Николая по управленію Варшавской епархіей.

Празднованіе 25-лѣтія священства Преосвященнаго совершенно было тихо и скромно, въ соотвѣтствіи съ скромностью самаго виновника торжества. Празднованіе это не было юбилейнымъ торжествомъ въ принятомъ смыслѣ, а явилось лишь молитвеннымъ благодареніемъ Богу за пройденный путь 25-лѣтняго священническаго служенія Церкви Божіей.

Въ день 25-лѣтія рукоположенія своего въ санъ священника Преосвященный Іоасафъ въ сослуженіи почти всего Варшавскаго духовенства, находящагося въ Москвѣ, совершилъ литургію и послѣ нея благодарственный молебенъ въ Чудовомъ монастырѣ. Въ совершеніи литургіи приняли участіе 14 священниковъ и 4 діакона. Пѣли псаломщики и взрослые пѣвчіе Варшавскаго архіерейскаго хора подъ управленіемъ П. Т. Кладинова. Для Варшавскаго духовенства это торжественное богослуженіе тѣмъ особенно было цѣнно, что въ первый разъ за время пребыванія въ Москвѣ дало ему возможность религіозно и молитвенно объединиться. Къ молебну подошло еще нѣсколько священнослужителей и такимъ образомъ составилъ довольно большой соборъ Варшавскаго духовенства. Изъ мірянъ, принадлежащихъ къ паствѣ Варшавской, присутствовали за богослуженіемъ Попечитель Варшавскаго Учебнаго Округа князь Куракинъ, Управляющій Варшавскою Конторою Государственнаго Банка баронъ Н. О. Тизенгаузенъ съ женою Надеждою Николаевною, директора и представители преподавательскаго персонала учебныхъ заведеній, въ которыхъ Преосвященный состоялъ законоучителемъ, представители Александринско-Маріинскаго дѣвичьяго Института, старосты Варшавскихъ со-

боровъ К. І. Молчановъ и П. М. Большаковъ и многіе другіе.

Послѣ богослуженія всѣ присутствовавшіе въ храмѣ перешли въ митрополичьи покои Чудова монастыря, гдѣ приносили поздравленія Преосвященному. Первымъ привѣтствовалъ Преосвященнаго отъ находящагося въ Москвѣ духовенства города Варшавы и Варшавской епархіи протоіерей П. И. Недумовъ, обратившійся къ Владыкѣ съ слѣдующею рѣчью:

„Ваше Преосвященство,

Преосвященнѣйшій Владыко,

Милостивый Архипастыръ и Отецъ!

Связуемые Апостольскимъ союзомъ любви съ Вами, Преосвященнѣйшій Владыко, мы, пастыри Варшавской церкви и всѣ служащіе въ разныхъ учрежденіяхъ подъ Вашимъ покровомъ, привѣтствуемъ Васъ въ день двадцати-пятилѣтняго служенія Вашего на пользу церкви и отечеству и желаемъ Вамъ многолѣтняго здравія и долгоденствія.

Въ настоящія торжественныя минуты духовнаго общенія и любви Архипастыря съ пастырями и пасомыми не могу не сказать нѣсколько словъ отъ лица всѣхъ присутствующихъ о той высокой, полезной и многоплодной дѣятельности Вашего Преосвященства, которая протекла на глазахъ нашихъ въ періодъ двадцатипятилѣтняго служенія Вашего въ Варшавской епархіи. Получивъ высшее богословское образованіе и состоя много лѣтъ преподавателемъ Виленской духовной семинаріи, въ виду Вашей опытности и основательнаго знанія духовной школы, по принятіи Вами священнаго сана, Вамъ Высокопреосвященнымъ Архіепископомъ Леонтиемъ поручено было завѣдываніе церковно-приходскими школами Варшавской епархіи. Затѣмъ при открытіи Училищнаго Совѣта Вы были назначены Предсѣдателемъ его. Сознывая высоту и важность этого святого дѣла воспитанія и образованія заброшенныхъ на окраину Россіи бѣдныхъ дѣтей православныхъ родителей, Вы, Владыко, съ особенною любовію отнеслись какъ къ дѣтямъ порученнымъ Вашему руководству, такъ и къ самой церковно-приходской школѣ. Посѣщая въ разное время школы, Вы самымъ тщательнымъ образомъ производили провѣрку дѣтскихъ знаній и обращали должное вниманіе не только на главные предметы обученія, но и на рукодѣліе и церковное пѣніе.

Съ такою же ревностію и съ такимъ же пастырскимъ рвеніемъ и любовію Вы относились къ сво-

имъ обязанностямъ, какъ законоучитель Варшавскаго Маріинскаго института и другихъ учебныхъ заведеній. Простота, доступность и отеческая любовь къ дѣтямъ всегда привлекали къ Вамъ не только сердца дѣтей, но и учащихся и родителей.

Какъ пастырь церкви, Вы не ограничивались только школою, но принимали живѣйшее участіе и въ дѣлахъ мѣстныхъ благотворительныхъ учрежденій. Много труда и заботъ Вы положили при открытіи Варшавскаго Свято-Троицкаго Братства. Проходя разныя должности въ семъ учрежденіи, Вы много содѣйствовали преуспѣянію братства, при Васъ, между прочимъ, изысканы были обильныя средства, давшія возможность многочисленнымъ дѣтямъ отъ смѣшанныхъ браковъ получить доброе воспитаніе въ духѣ православія и русской народности.

Вы принимали также живое и дѣятельное участіе въ сооруженіи Александро-Невскаго собора въ Варшавѣ, какъ членъ строительнаго Комитета. Неудивительно, поэтому, что въ день тирдцатипятилѣтняго педагогическаго и пастырскаго служенія Вашего какъ духовенство г. Варшавы, такъ и паства Ваша, проникнутыя любовью и уваженіемъ къ Вамъ, поднесли Вамъ два золотыхъ наперсныхъ креста.

Особенною, выдающеюся отличительною чертою Вашей свѣтлой личности служить то, что Вы, Владыко, на всѣхъ іерархическихъ ступеняхъ Вашего служенія одинаково относились какъ къ духовенству, такъ равнымъ образомъ были доступны, просты и снисходительны и къ паствѣ, что особенно замѣтно проявлялось въ бытность Вашу членомъ Варшавской духовной Консисторіи, когда Вы принимали близкое участіе въ дѣлахъ управленія епархіей.

Въ настоящее тяжелое время какъ для Васъ Владыко, такъ для духовенства и всей паствы Вашей мы, находясь въ невольномъ разсѣяніи, вдали отъ дорогихъ намъ Варшавскихъ православныхъ святынь, продолжаемъ сохранять нравственную связь и любовь къ своимъ Архипастырямъ и какъ выраженіе нашей глубокой и искренней преданности Вамъ просимъ принять отъ насъ *святительскую панагію* съ изображеніемъ Иверской иконы Божіей Матери, Покровительницы града Москвы. Пусть Царица Небесная осѣняетъ Васъ Своимъ Святымъ покровомъ и даруетъ Вамъ благодатныя силы къ дальнѣйшему прохожденію Вами Архипастырскаго служенія на пользу Церкви и Отечеству“.

Послѣ духовенства принесла поздравленія де-

путація Варшавскихъ первыхъ гимназій въ составѣ Директора А. А. Бржезинскаго, Главной Воспитательницы Н. П. Дубровиной, Законоучителей протоіереевъ К. Голоскевича и В. Шингарева и церковныхъ старостъ гимназическихъ церквей — В. А. Каминскаго и А. И. Москвина. Депутація поднесла художественно исполненный образъ Святителя и Чудотворца Бѣлгородскаго Іоасафа, причемъ законоучитель I-ой женской гимназіи, протоіерей В. Шингаревъ по уполномочію депутаціи привѣтствовалъ Владыку такимъ словомъ:

„Преосвященнѣйшій Владыко,

Милостивѣйшій Архипастырь!

Въ день 25-лѣтія священства Вашего, въ безспорно важный для Васъ день Вашей жизни, Варшавскія первыя гимназіи, издавна связанныя съ Вами связью духовною, не могутъ не присоединить своего голоса къ согласному хору знающихъ и чтущихъ Васъ, не могутъ не слиться съ Вами въ молитвѣ благодаренія Богу Милосердному, сподобившему Васъ въ теченіе четверти вѣка благоговѣнно служить Ему предъ святымъ Его престоломъ.

25-лѣтнее священническое служеніе Ваше, исполненное ревности о славѣ Божіей и душевной теплоты и сердечности къ ввѣряемымъ Вашему попеченію паствамъ, это подлинно достойное предъ Богомъ и людьми служеніе все прошло на глазахъ нашихъ и преимущественно въ педагогической средѣ нашей. По характеру и духу дѣятельности Вы родственны намъ. И хотя Вы не были въ составѣ корпораціи первыхъ гимназій, но не въ меньшей степени близки къ намъ, чѣмъ и къ тѣмъ учебнымъ заведеніямъ, въ которыхъ служили и трудились. Въ самые знаменательные дни нашихъ учебныхъ заведеній, — въ дни нашихъ празднествъ церковныхъ и торжествъ религіозныхъ Вы были съ нами и своимъ участливымъ отношеніемъ къ намъ умножали праздничную радость нашу. Не далѣе какъ двѣ недѣли тому назадъ Вы со всею готовностью раздѣлили наше торжество и тѣмъ дали намъ возможность и вдали отъ храма нашего получить высокое утѣшеніе духовное. Всегда мы живо чувствовали это Ваше предупредительное и доброе къ намъ отношеніе, всегда были глубоко благодарны за Вашу любовь къ намъ и открыто свидѣтельствовали свою благодарность. Нынѣ же, въ день 25-лѣтія священства Вашего, мы имѣемъ потребность закрѣпить свою благодарность вѣществен-

нымъ способомъ и притомъ такимъ, какой не можетъ не быть Вамъ дорогъ. Привѣтствуя Васъ, Преосвященнѣйшій Владыко, съ двадцатипятилѣтнѣмъ достойнаго священническаго служенія Вашего Богу и людямъ, просимъ Васъ въ знакъ искренняго, почтительнаго къ Вамъ уваженія принять отъ насъ образъ соименнаго Вамъ Святителя и Чудотворца Бѣлгородскаго Юасафа, просимъ принять этотъ св. образъ съ молитвеннымъ пожеланіемъ, да хранитъ Васъ этотъ новоявленный угодникъ Божій — Вашъ небесный Покровитель — еще много лѣтъ на благо тѣмъ, кому Вамъ Богъ судитъ служить“.

Вслѣдъ за первыми гимназіями поздравляли Преосвященнаго начальствующіе и законоучители VI мужской и III женской гимназій. Директоръ этихъ учебныхъ заведеній А. П. Косминскій привѣтствовалъ Преосвященнаго, какъ бывшаго законоучителя 3-й женской гимназіи. Въ своемъ словѣ А. П. Косминскій засвидѣтельствовалъ, что несмотря на кратковременное служеніе въ 3-ей женской гимназіи, Владыка привлекъ къ себѣ сердца всѣхъ — учащихся и учащихся, оставивъ по себѣ самую добрую память. Отъ бывшихъ сослуживцевъ по VI мужской и III женской гимназіи Директоръ поднесъ Владыкѣ архипастырскій посохъ.

Депутация отъ общества трудовой помощи русскимъ женщинамъ въ Варшавѣ въ составѣ предсѣдательницы общества баронессы Н. Н. Тизенгаузенъ и секретаря общества М. И. Кушакевича поднесла Владыкѣ образъ Богоматери.

Привѣтствовали еще Владыку представитель Александро-Маріинскаго дѣвичьяго института и П. Е. Кедроліванскій отъ Варшавскаго Епархіального Училищнаго Совѣта.

Владыка въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ благодарилъ всѣхъ привѣтствовавшихъ его за оказанное ему вниманіе.

Въ плѣну у нѣмцевъ¹⁾.

Въ Германіи.

Въ Скальмежицахъ.

Въ Скальмежицахъ посадили насъ въ арестантскій вагонъ, шестерыхъ размѣстили по одиночкѣ въ особыхъ помѣщеніяхъ, въ родѣ платяныхъ шкафовъ съ рѣшетчатымъ окошечкомъ вверху, а остальныхъ поставили въ корридорѣ вагона *носомъ къ стѣнѣ*, а сзади сталъ караулъ; при этомъ предварили, что ни разговаривать, ни оба-

рачиваться нельзя, иначе застрѣляютъ. Такъ доѣхали мы до Острова, въ 17 верстахъ отъ Скальмежицъ. Вывели насъ изъ вагона, и провели въ небольшую вокзальную комнату и здѣсь поставили *носомъ къ стѣнѣ!* Долгонько пришлось такъ простоять, пока нѣмцы не умилоstellились и не разрѣшили сѣсть на поданныхъ скамейкахъ. „Любезность“ и „человѣчность“ ихъ простерлась еще дальше: дали желающимъ воды напиться и даже предложили буттерброды. Появился какой-то нѣмецкій генераль, къ которому владѣющіе нѣмецкимъ языкомъ наши „товарищи по несчастью“ обратились отъ лица всѣхъ съ просьбой — послать въ Калишъ телеграмму о томъ, что мы еще живы, и разрѣшить, въ случаѣ отпращиванія насъ куда либо дальше, ѣхать не стоя, какъ до Острова, а сидя. Генераль обѣщаль исполнить то и другое (но перваго не исполнилъ — и телеграмму, нами оплаченную, не послалъ) и объявилъ, что мы поѣдемъ въ Познань. Предъ посадкой въ вагонъ насъ тщательно обыскали, нѣтъ ли при насъ какихъ-либо рѣжущихъ или колющихъ предметовъ. О такомъ обыскѣ насъ дважды предварили, предлагая добровольно отдать запрещенные предметы. Не забуду при этомъ такой траги-комической сцены: молодой нѣмецкій офицеръ вскочилъ на стулъ, вынулъ браунингъ, скорчилъ грозную мину и объявилъ, что если теперь у кого изъ насъ найдется рѣжущій или колющій предметъ, того онъ сейчасъ же убьетъ на мѣстѣ. Къ счастью нашему и, можетъ быть, къ огорченію храбраго офицера, ни у кого ничего запрещеннаго не нашли. Этотъ храбрый офицеръ, съ браунингомъ въ рукѣ, проводилъ насъ до самаго вагона, не класснаго, конечно, а товарнаго. Въ вагонѣ по одну сторону поставлены были скамейки для насъ, а по другую — для конвойныхъ солдатъ. Офицеръ предварили, что *въ пути мы не смѣемъ вставать со своихъ мѣстъ, а кто встанетъ, тому пуля въ лобъ*. Съли мы, а противъ насъ солдаты съ ружьями, обращенными въ нашу сторону. Такъ мы ѣхали до Познани всю ночь до утра. Отъ неподвижности и отъ утренняго холода мы просто окоченѣли. Мучительнѣе всего для насъ было нахальное любопытство нѣмецкой черни. Чуть остановится нашъ поѣздъ, особенно на большой станціи, сейчасъ же раздвигаются вагонныя двери съ обѣихъ сторонъ и въ вагонъ всовываются нѣмецкія рожи, мужскія и женскія, или улыбающіяся, довольныя, словно при видѣ какихъ-то заморскихъ звѣрей, отправляемыхъ въ зоологическій садъ, или пре-

¹⁾ См. продолженіе № 16 Варш. Еп. Лист.

зрительныя и злобныя, какъ при встрѣчѣ съ поиманными бунтовщиками, разбойниками. А вѣдь такими именно насъ успѣла изобразить нѣмецкая пресса, приписавъ намъ организацію и личный починъ въ калишской стрѣльбѣ по нѣмецкому войску!

Пріѣхали въ Познань.

Въ Познани.

На станці собралась тысячная толпа нѣмецкихъ патріотовъ, очевидно, кѣмъ то предваренныхъ о нашемъ прибытіи. Когда мы вышли изъ вагона, поднялся ревъ и стонъ черни, стоявшей на перронѣ и на площади при вокзалѣ, — посыпались отборная брань и проклятья по нашему адресу на нѣмецкомъ и исковерканномъ русскомъ языкѣ; въ воздухѣ замелкали поднятыя руки, то со сжатыми кулаками, то съ жестами, показывающими, что насъ надо повѣсить, застрѣлить. Нѣкоторые порывались проникнуть черезъ цѣпь окружавшихъ насъ конвойныхъ солдатъ, чтобы оскорбить насъ дѣйствіемъ. И вотъ при такой обстановкѣ пошли мы въ городъ, словно древніе христіане, обреченные на казнь въ Римскомъ коллизеѣ! Настроеніе толпы передалось и конвоировавшимъ солдатамъ: они грубо построили насъ въ ряды и повели черезчуръ ускореннымъ шагомъ. А такъ какъ мы старики, — разумѣю себя и А. А. Зеланда, — не могли сойтись въ ногу (по военной терминологіи) или поспѣть за своими товарищами и конвойными солдатами, то послѣдніе подгоняли меня пинками и ударами сапоговъ, а г. Зеланда — кулаками въ спину. Надо замѣтить, что я былъ въ священнической рясѣ съ наперснымъ Крестомъ на груди. Бѣдный А. А. Зеландъ совсѣмъ изнемогъ отъ удушья и усталости и его взяли подъ руки прелатъ Плошай и президентъ Буковинскій. Привели насъ на дворъ полицейскаго управленія и здѣсь поставили тоже *носомъ къ стѣнѣ*. (Удивительное издѣвательство!) Приблизительно черезъ полчаса вышелъ къ намъ генералъ въ сопровожденіи, кажется, прокурора, или вообще лица судебного вѣдомства, какъ показывало его форменное платье. Они спросили каждого изъ насъ о нашемъ званіи и мѣстѣ службы, о чемъ-то посовѣщались между собой и отправили насъ попарно, на извозчикахъ, въ гражданскую слѣдственную тюрьму. Здѣсь послѣ обычной записи въ тюремныя книги и послѣ обыска — нѣтъ ли при насъ запрещенныхъ для арестантовъ предметовъ, заключили каждого изъ насъ въ отдѣльную камеру. Трудно передать

словами то ощущеніе, то душевное состояніе, которое пришлось испытать, очутившись первый разъ въ жизни лишеннымъ свободы, отрѣзаннымъ отъ внѣшняго міра и людей! Одиочная камера, длиной въ 8 шаговъ, а шириной — 4 шага, съ толстой рѣшеткой въ окнѣ съ матовымъ стекломъ, съ прикованной къ стѣнѣ кроватью, съ обитою желѣзомъ дверью, показалась мнѣ звѣриной клѣткой. Ходи изъ угла въ уголъ какъ звѣрь, одинъ-одинешенекъ со своими думами, безъ всякаго дѣла и даже безъ книгъ; надоѣло ходить — сядь на деревянную скамеечку, приставленную къ маленькому деревянному же столику, облокотись и думай, думай безъ конца, пока придетъ ночь и ты забудешься, уснешь на постели. И хорошо еще, если заснешь, а то унаслѣдованныя отъ предмѣстниковъ по камерѣ насѣкомыя лишаютъ тебя и этого отдыха. И такъ изо дня въ день! Прибавьте къ этому нервирующей грохотъ желѣзныхъ засововъ при дверяхъ, лязгъ ключей въ рукахъ тюремныхъ надзирателей, командные выкрики послѣднихъ на непонятномъ языкѣ, вызовы по ночамъ одиночныхъ арестантовъ, ихъ исчезновеніе куда-то, ружейные выстрѣлы на тюремномъ дворѣ, тревогу за своихъ дѣтей и полнѣйшую неизвѣстность о томъ, зачѣмъ тебя взяли и долго ли тутъ продержатъ, да еще выпустятъ ли отсюда живымъ, — и станетъ понятнымъ то переживаніе, та душевная мука, которую намъ пришлось испытать въ тюрьмѣ, особенно на первыхъ порахъ. Не знаю, долго ли при такихъ условіяхъ можетъ выдержать интеллигентный человѣкъ одиночное заключеніе, — но думаю, что продлилось оно для насъ еще одинъ мѣсяцъ — можно было бы навѣрное сойти съ ума! Но возвратимся къ порядку событій.

Насъ заключили въ тюрьму утромъ въ субботу (26 іюля). Въ полдень подали въ камеру чрезъ окошечко въ двери такъ называемый „арестантскій обѣдъ“ — гороховый супъ, покрытый толстымъ слоемъ застывшаго жира и кусокъ проросшаго плѣсенью чернаго хлѣба. Страшно было не только ѣсть, но даже коснуться до всего этого. Вскорѣ позвали насъ шестерыхъ, старшихъ среди товарищей-заложниковъ, въ тюремную канцелярію. Туда явился какой-то новый генералъ, не тотъ, что встрѣтилъ насъ на полицейскомъ дворѣ, и черезъ переводчика, передававшего намъ по-польски, сказалъ приблизительно слѣдующее: „грустно мнѣ знакомиться съ вами при такихъ условіяхъ; мы наведемъ о васъ справки и скоро разслѣдуемъ дѣло. Вы не беспокойтесь, здѣсь волосъ съ го-

ловы вашей не спадеть, только вы не дѣлайте надъ собой никакихъ насилій (должно быть предполагалъ, что мы можемъ покончить съ собой самоубійствомъ, или заморить себя голодомъ!). Одинъ изъ насъ (Гроссъ) обратился къ генералу съ просьбой отъ нашего имени, чтобы намъ было разрѣшено питаться за свой счетъ столомъ изъ ближайшаго ресторана, такъ какъ арестантской пищи мы, по болѣзненному состоянію и старости, ѣсть не можемъ. Въ обезпеченіе же уплаты за столъ можетъ быть впередъ внесена инспектору тюрьмы соотвѣтственная сумма. Такъ-какъ среди заложниковъ были люди очень богатые (фабриканты, купцы, даже банкиръ), то генералъ изъявилъ согласіе на нашу просьбу, но при этомъ, какъ бы въ обоснованіе оказываемой намъ „милости“, прибавилъ, что тюремная инструкція разрѣшаетъ „благодѣтельнымъ“ арестантамъ питаться своей пищей. Со слѣдующаго дня намъ уже приносили пищу изъ ресторана.

Въ понедѣльникъ (28 іюля) мы были представлены коменданту Познанской крѣпости, въ рукахъ котораго, по военному времени, была, какъ говорится, наша жизнь и смерть. За часъ до назначеннаго имъ времени прибытія въ тюрьму, намъ было объявлено начальникомъ тюрьмы, или какъ здѣсь принято называть—инспекторомъ, что намъ предстоитъ свиданіе съ комендантомъ крѣпости, а потому желательно, чтобы мы одѣлись *почище*. Это, надо замѣтить, предлагалось лицамъ, взятымъ въ плѣнъ невзначай, въ одной смѣнѣ бѣлья и платья,—лицамъ, кромѣ того, сидѣвшимъ двое сутокъ на мукомольной мельницѣ! Къ назначенному времени насъ вывели изъ одиночныхъ камеръ и выстроили въ рядъ въ корридорѣ сосѣдняго корпуса. На правомъ флангѣ, какъ принято считать у военныхъ, тюремное начальство поставило (и не безъ намѣренія, какъ оказалось потомъ) трехъ ксендзовъ, раввина и купца Гросса, а остальнымъ предоставлено становиться въ любомъ порядкѣ, безъ соблюденія ранговъ. Приѣхалъ комендантъ крѣпости со своей свитой и, окинувъ всѣхъ насъ надменнымъ взоромъ, сталъ противъ ксендзовъ и сказалъ слѣдующее, какъ передалъ переводчикъ: „мы ведемъ войну не съ поляками, не съ евреями, а съ русскими, а потому я нахожу возможнымъ освободить васъ (указалъ на ксендзовъ и раввина); поѣзжайте въ Калишъ и постарайтесь успокоить населеніе, а то я слышу, что тамъ продолжаютъ стрѣльбу по нѣмецкому войску и даже вырѣзали языкъ одному нашему офицеру“ (Sic!) „Можете ѣхать и Вы“, сказалъ онъ Гроссу.

Г. Гроссъ (еврей) поблагодарилъ коменданта за оказываемое ему предпочтеніе предъ другими товарищами, но воспользоваться имъ не захотѣлъ и сказалъ: „если вы, г. комендантъ, отпускаете меня какъ невиннаго, то тѣмъ заставляете думать, что другіе мои товарищи въ чемъ-то виноваты предъ нѣмецкимъ правительствомъ и они, послѣ моего отъѣзда, будутъ еще больше тосковать и мучиться; между тѣмъ мы всѣ одинаково невинны, а потому или отпустите насъ всѣхъ, или позвольте мнѣ остаться въ тюрьмѣ и раздѣлится съ товарищами общую участь“. Такое рыцарское великодушіе г. Гросса тронуло даже нѣмецкаго генерала и тотъ подаль ему руку въ знакъ уваженія къ его поступку.

„Чѣмъ же мы виноваты, началъ говорить Гейманъ, „что въ Калишѣ стрѣляли по нѣмецкому войску и продолжаютъ стрѣлять, какъ сейчасъ сказали, и послѣ нашего отъѣзда изъ Калиша? Неужели кто-либо можетъ подумать, что такія лица, какъ г. Зеландъ или о. протоіерей, стрѣляли въ Калишѣ?!

„Я по лицамъ ихъ вижу“, сказалъ комендантъ, „что они не преступники, но тѣмъ не менѣе освободить не могу; извольте отправляться въ свои камеры!“

Такъ ксендзы и раввинъ были освобождены изъ тюрьмы, а мы остались сидѣть тамъ. Впрочемъ, въ четвергъ, т. е. на шестой день, были выпущены изъ тюрьмы и остальные заложники поляки и евреи, 8 человекъ: остались только мы пятеро русскихъ: я, Зеландъ, Васильевъ, Жирицкій и Савицкій, да для чего-то былъ задержанъ съ нами графъ Дунинъ-Барковскій. Эта личность еще при первомъ знакомствѣ въ калишской гостинницѣ показалась намъ очень подозрительной. Австрійскій подданный, галичанинъ родомъ, католикъ по вѣроисповѣданію, имѣетъ на рукахъ австрійскій паспортъ, визированный русскимъ консуломъ и, кромѣ того, паспортъ, выданный Калишскимъ губернаторомъ, на проживаніе въ Россіи, и вдругъ берется нѣмцами, союзниками австрійцевъ, въ качествѣ заложника отъ г. Калиша, гдѣ онъ поселился недавно, всего второй годъ, и со своимъ графскимъ титуломъ служилъ только за 75-рублевую плату въ калишскомъ сельско-хозяйственномъ обществѣ, — мало того, оставляется въ тюрьмѣ даже послѣ освобожденія своихъ единовѣрцевъ и оставляется, будто бы, до выясненія его личности, какъ говорилъ намъ самъ Дунинъ-Барковскій. — Нѣтъ, какъ хотите, это не просто! Нѣмцамъ и безъ паспортовъ, ясны

ВІІ-60-1502/13

нужныя имъ личности и въ томъ числѣ графъ Дунинъ - Барковскій. Вѣрнѣе всего, имъ нужно было чрезъ сего графа выяснитъ наши личности и наши отношенія къ нѣмцамъ съ началомъ войны, а потому онъ былъ оставленъ въ тюрьмѣ на время нашего сидѣнія тамъ для цѣлей шпіонажа за нами. Сами поляки, взятые съ нами изъ Калиша, высказывали свое удивленіе, что графъ Дунинъ-Барковскій взятъ нѣмцами въ качествѣ „калишскаго заложника“, когда сей графъ по словамъ ихъ, 21 іюля, т. е. наканунѣ нашего арестованія, расхаживалъ подъ руку съ Прейскеромъ по гостинничному корридору и велъ съ нимъ дружескую бесѣду. Наконецъ, гр. Дунинъ-Барковскій самъ признавался намъ, когда мы сидѣли на мельницѣ, что онъ далъ Прейскеру списокъ лицъ, которыхъ рекомендовалъ взять въ качествѣ заложниковъ. Это очевидный, несомнѣнный нѣмецкій шпіонъ! Недаромъ тюремное начальство разрѣшило намъ русскимъ собираться въ камерѣ графа на два часа (10—12) до полудня и на три часа (3—6) по-полудни, когда сей графъ охотно заводилъ съ нами рѣчь на современныя военныя темы и развивалъ предъ нами свои завиральныя мечты, не стѣсняясь при этомъ обнаруживать свои руссофобскія чувства. Мы предугадывали роль графа Дунина-Барковскаго и были очень сдержанны въ сужденіяхъ по вопросамъ войны и политики. Заставляло насъ держать ухо востро, какъ говорится, и то обстоятельство, что нашъ графъ чуть ли не ежедневно что-то писалъ на имя коменданта крѣпости и подолгу шептался по ночамъ съ тюремными надзирателями. Но довольно объ этой темной личности, которую потомъ намъ пришлось видѣть въ Калишѣ въ открытой роли нѣмецкаго слуги — въ должности гминнаго судьи на калишскомъ предмѣстьи.

Въ тюрьмѣ продержали насъ цѣлый мѣсяцъ (съ 26 іюля по 23 августа). Порядокъ дня по тюремной инструкціи былъ такой: въ 6 часовъ утра раздавалась команда „вставать“; мы должны были, послѣ умыванія, убирать свою постель и камеру; въ 8 часовъ насъ выводили на внутренній дворъ - палисадника на прогулку въ теченіе 45 минутъ, а иногда цѣлаго часа; въ 9 часовъ давался кофе съ буттербродомъ, въ 12 ч. — обѣдъ изъ одного блюда, въ 4 ч. — снова кофе съ бѣ-

лымъ хлѣбомъ; въ 5 ч. вторично выводили на прогулку, а въ 6 ч. давали ужинъ — иногда мясную котлетку, иногда яйца, колбасу; въ 9 часовъ, послѣ общей повѣрки арестантовъ, двери камеръ на ночь запирались на-глухо, т. е., кромѣ замковъ, еще и на запоры и арестантамъ приказывалось ложиться спать. Огня по вечерамъ въ тотъ мѣсяцъ не зажигали. Питались мы и по отъѣздѣ нашихъ богатыхъ товарищей попрежнему, т. е. не арестантскимъ столомъ, а изъ ресторана, для чего они авансомъ внесли инспектору тюрьмы соотвѣтственную мѣсячную плату. Эту сумму впослѣдствіи мы возвратимъ добрымъ товарищамъ.

Наша убійственная скука и гнетущая тоска нѣсколько облегчились, когда нѣмецкимъ прокуроромъ были присланы изъ Познанской публичной бібліотеки четыре русскихъ книги: сочиненія Пушкина, Лермонтова, Державина и Сборникъ сказокъ и анекдотовъ изъ малороссійской жизни; а до этого времени приходилось поневолѣ читать и перечитывать единственную книжонку и то на нѣмецкомъ и польскомъ языкахъ — „Инструкцію для арестантовъ Познанской слѣдственной тюрьмы“, составляющую непремѣнную принадлежность каждой арестантской камеры, наравнѣ съ кувшиномъ и стаканомъ для воды, тазомъ и мыломъ для умыванія, щетками для платья и сапоговъ... Промежуточное время между питаніемъ и прогулками предоставлялось каждому заполнять по своему: или мыть свое бѣлье, или предаваться размышленіямъ, напр., о бренности человѣческой жизни, о превратности судьбы, о правѣ нѣмецкой силы (вмѣсто „силы права“), о справедливости русской поговорки: „отъ тюрьмы и сумы не отрекайся“, ибо нѣмцы, напр., и въ тюрьму могутъ посадить невиннаго и до сумы могутъ довести своимъ разбоемъ и грабежомъ.

(Продолженіе будетъ).

СОДЕРЖАНІЕ. Отдѣлъ I. Высочайшія награды. — Письмо Завѣдующаго Синодальнымъ имени Наслѣдника Цесаревича Алексія Николаевича Лазаретомъ раненыхъ воиновъ Высокопреосвященному Николаю, Архіепископу Варшавскому и Привислинскому. Отдѣлъ II. Краткія поученія. — Памяти Высокопреосвященнаго Флавіана митрополита Кіевского и Галицкаго. — Двадцатипятилѣтіе священства Преосвященнаго Іоасафа, Епископа Новогеоргіевскаго, Викарія Варшавской епархіи. — Въ плѣну у нѣмцевъ.

Редакторъ, Протоіерей В. Шингаревъ.

Дозволено цензурою. Москва. 15 Ноября 1915 г. Цензоръ, священникъ Іаковъ Козловскій.

Типографія Свято-Троицкой Сергіевой Лавры.